

— Лишь потому, что я слишком давно не видела людей, — глаза Чжаоян, цвета глазури, в солнечном свете словно переливались дивным блеском. — Каждый день приходится разговаривать только с Цуйхуа, поневоле становится тоскливо.

Чу И покачала головой:

— Ничего страшного. — Она помолчала и добавила: — Здесь очень хорошо.

Чжаоян посмотрела на неё и внезапно рассмеялась, издав короткий смешок. Её светлые глаза, подобно цветущим позади персиковым деревьям, сияли ослепительной красотой.

— Ты такая славная, Чу И.

Чу И закусила губу, чувствуя неловкость.

— Ты немного похожа на неё, — аура вокруг Чжаоян стала спокойной. Она смотрела на Чу И, но взгляд её, казалось, был устремлён сквозь неё на кого-то другого. — Если бы её ребёнок был жив, он наверняка был бы таким же милым, как ты.

Чжаоян уже второй раз упоминала об этом в присутствии Чу И. Подумав, та спросила:

— Ты просила меня найти его?

Чжаоян кивнула, а затем покачала головой. Чу И в недоумении посмотрела на неё.

— Когда младшая сестра ушла, ей было всего шестнадцать. Она сбежала тайком. В то время учитель не выпускал меня из долины, а когда я наконец смогла выбраться и пошла по её следам, было уже поздно. Позже я искала её ещё много раз, но безрезультатно. Когда учитель скончался и в этой огромной долине остались только я да Цуйхуа, я снова отправлялась на поиски. В последний раз я наконец получила весточку, но, когда примчалась туда, нашла лишь её могилу.

На лице Чжаоян отразилась горькая усмешка, она побледнела:

— Я всё думала: если бы я не опоздала хоть на шаг, если бы была быстрее, сестра не оказалась бы... не оказалась бы по ту сторону жизни и смерти.

Чу И закусила губу, не зная, как утешить собеседницу.

— Но, проведя множество расследований, я узнала, что у сестры остался ребёнок. — Чжаоян моргнула. — Во что бы то ни стало я хочу найти этого ребёнка. Просто... ты правда очень на неё похожа.

Чжаоян быстро взяла себя в руки.

— Я сделаю всё, что в моих силах, — Чу И не придавала значения её словам, но тихо пообещала:
— Я помогу тебе.

— Вот и хорошо, — Чжаоян протянула руку и ущипнула Чу И за щеку. — Пора пить лекарство.

Чу И: ...

Тема сменилась слишком быстро, она не успела среагировать. На этот раз, не дожидаясь, пока Чжаоян будет кормить её с ложечки, Чу И взяла чашу и залпом выпила отвар.

— Попробуй это, — Чжаоян вложила ей в рот розовое пирожное. — Оно сделано из свежих лепестков персика, вкусное.

Жуя лакомство с ароматом цветов, Чу И слегка оживилась. Руки у Чжаоян были золотые: даже Чу И, которая никогда не считала себя гурманом, не удержалась и съела ещё несколько штук.

— Рада, что тебе нравится. — Поняв, что съела слишком много, Чу И почувствовала, как кончики её ушей покраснели. — Когда мы начнём лечебные ванны?

Она торопилась, хотя внешне старалась не подавать виду, лишь взгляд, устремлённый на Чжаоян, стал чуть более нетерпеливым.

— Не спеши, — Чжаоян налила ей горячего чая. — Ещё три дня попьешь мой отвар, а потом приступим. Что, у тебя срочные дела?

Тон Чжаоян был ровным и мягким, без тени любопытства, будто они вели обычную беседу между друзьями.

— Нет, — Чу И помолчала. — Тогда... ванны?

— Ванны займут семь дней, — Чжаоян поймала падающий лепесток персика, её улыбка была чистой. — Твоё тело слишком слабо, а раны чересчур тяжелы. Если сейчас не привести всё в порядок, это обернется серьёзными последствиями, даже в боевых искусствах ты встретишь непреодолимые преграды.

— Хорошо, — ответила Чу И, поджав губы.

— Вот и ладно, — Чжаоян снова улыбнулась. — Твоя техника слишком холодна и властна, она вредит организму. В это лекарство я добавила особый компонент для восстановления. Такая милая Чу И, будущие дети у тебя будут ещё милее.

Чжаоян подлила воды в чашку Чу И. Та взяла её, решив, что Чжаоян просто подшучивает.

Дети? Как это возможно? Такие, как она, из Павильона Лань, существуют лишь ради своих господ. Её участь, скорее всего, будет такой же, как у предшественников — умереть за хозяина. Если же повезёт выжить, то лишь уйти в тень. О каком замужестве и детях может идти речь?

Чжаоян промолчала. Некоторые вещи лучше доказывать фактами.

Следующие три дня жизнь Чу И состояла из приёма лекарств, прослушивания забавных историй Чжаоян и созерцания видов Долины Безымянной. Иногда, нежась в лучах тёплого солнца и чувствуя, как на неё опускаются лепестки персика, Чу И ловила себя на мысли, что такая жизнь была бы неплоха. Но такая безмятежность не для неё. Чжаоян, такая прекрасная женщина, должна проводить дни в гармонии с цитрой, а не быть втянутой в её дела.

Впервые в жизни Чу И испытала столько сожалений.

Три дня пролетели быстро. Чу И видела, как Чжаоян готовит всё для ванны. Она не разбиралась в медицине, но ей казалось, что даже то, как Чжаоян перебирает травы на солнце, исполнено утончённой грации. Это лишь укрепило её решимость: как только она поправится, она покинет Чжаоян, найдёт ей родных и больше никогда не потревожит.

— Во время ванны ты можешь почувствовать боль и онемение, ни в коем случае не двигайся, — Чжаоян трижды повторила наставление, вливая воду в деревянную бочку.

Чу И запомнила это крепко — обычная боль для неё ничего не значила.

— Ты, — Чжаоян, наполнив бочку наполовину, посмотрела на неё, — всегда с таким лицом, словно у тебя никогда не бывает нормальных эмоций. Я налила половину, через три часа приду, чтобы долить остальное. Сиди здесь, я вернусь вовремя.

— Хорошо, — кивнула Чу И. — Спасибо.

— За что благодаришь? — Чжаоян, казалось, удивилась и улыбнулась. — Едва увидев тебя, я почувствовала, что мы связаны судьбой. К тому же, если я вылечу тебя, это будет шагом вперёд в моём мастерстве. Просто, — она взглянула в глаза Чу И, голос её стал едва слышным, — если бы она выжила, то была бы как раз в твоём возрасте.

Хотя внутренняя сила Чу И была разрушена, слух остался прежним, и она всё услышала. Чжаоян не впервые говорила так, и Чу И списывала это на тоску по сестре. Но, возможно, из-за того, что Чжаоян повторяла это часто, у Чу И возникло самовнушение: глядя в зеркало, она и сама начала находить в себе сходство с ней.

— Я пойду, — Чжаоян вышла и плотно прикрыла дверь.

Чу И разделась и погрузилась в воду. Едва коснувшись её, она почувствовала ноющую боль, но не обратила внимания — для неё это были мелочи. Вскоре боль утихла, сменившись странным онемением, проникающим сквозь кожу. Стало так зудеть, что хотелось почесаться, но Чу И помнила наставления и сидела неподвижно.

Три часа пролетели незаметно. Услышав шаги, Чу И поняла, что это Чжаоян. Она знала, что та не владеет боевыми искусствами — в её теле не было ни капли внутренней энергии. Чжаоян сама признавалась, что слаба в этом, даже лёгкая походка давалась ей с трудом. Но она была мастером медицины, и желающим причинить ей вред было не подобраться.

— Похоже, впитывается хорошо, — Чжаоян взглянула на воду. Она знала то, чего не замечала Чу И: цвет воды изменился, а значит, лекарство действовало. — Вода горячая, — она медленно подливала новую порцию. — Потерпи.

— Хорошо.

Закончив, Чжаоян посмотрела на шрамы на спине Чу И. Помолчав, она прошептала:

— Эти раны...

Шрамы на спине были ужасающими, один длинный след тянулся через всю спину. Из-за того, что Чу И годами не видела солнца, кожа её была болезненно бледной, и шрам выглядел пугающе.

— Ничего страшного, — Чу И знала, о чём та спрашивает. Для неё это было обычным делом, как и для других в Павильоне Лань. Но она никогда не показывала своё тело другим и чувствовала себя неловко.

Внезапно она ощутила онемение на месте шрамов. Чжаоян осторожно проводила рукой по её спине. Чу И вздрогнула — было не только неловко, но и странно. Чжаоян двигалась так бережно, словно боялась причинить боль, и Чу И чувствовала в этих движениях глубокую жалость.

Вдруг на её спину упали две капли тёплой жидкости. Чу И закусила губу и замерла, боясь пошевелиться.

— Не больно, — Чжаоян была явно расстроена, и Чу И, не умея утешать, лишь сухо повторяла, что ей не больно.

— Больно или нет — не тебе решать, — голос Чжаоян дрогнул. — У меня есть глаза, я сама вижу.

Чу И не знала, что ответить.

— Завтра я добавлю ещё одно лекарство, чтобы свести эти шрамы! — твёрдо пообещала Чжаоян.

— Да, — тихо ответила Чу И.

Вскоре Чжаоян ушла, но вернулась с подносом — нужно было покормить Чу И, которая не могла двигаться. Когда она повернулась, Чу И заметила, что её глаза покраснели. В сердце Чу И всколыхнулось странное чувство вины.

— Давай поедим, — Чжаоян взяла ложку. Сегодня был рис с маринованными овощами и яйцами дикой птицы — аромат был таким, что аппетит проснулся сам собой.

Чу И подумала, что если так пойдёт и дальше, она совсем разбалуеться от стряпни Чжаоян. Пока та кормила её, взгляд Чжаоян постепенно опустился на её грудь. Чу И занервничала, жуя медленнее.

— Мне просто показалось, что родимое пятно знакомо, — Чжаоян, заметив её смущение, пояснила: — В тот год я искала свою племянницу, у неё на груди было такое же. В нашем роду у женщин всегда есть родимое пятно в форме цветка сливы. Просто у тебя здесь шрам, и рассмотреть трудно.

Чу И побледнела ещё сильнее. Родинка, цветок сливы — для неё это прозвучало как гром среди ясного неба. Она была благодарна шраму, который скрывал истинную форму пятна.

Неудивительно, что Чжаоян говорила о судьбе, о сходстве с сестрой. Руки Чу И, погружённые в воду, сжались в кулаки до белизны.

— Что с тобой? — забеспокоилась Чжаоян. — Почему ты такая бледная? Лекарство слишком сильное?

Чу И подняла глаза, полные смятения. Видя заботу Чжаоян, она открыла рот, но так ничего и не сказала.

— Всё хорошо, — наконец выдавила она. — Я привыкла к этим следам, не нужно тратить силы, чтобы их сводить.

— Ничего, — улыбнулась Чжаоян. — Это несложно, не бери в голову.

Чу И закрыла глаза. Если так будет лучше, пусть сводит. Когда она поправится, она уйдёт — подальше, чтобы не впутывать Чжаоян в свои беды. Но, чувствуя лёгкую боль, она опустила взгляд — ей было жаль расставаться...

— Сиди, одежда рядом. Я пойду во двор, изучу травы, — Чжаоян погладила её по голове.

— Хорошо, — Чу И смотрела ей вслед, её тёмные глаза были полны образа Чжаоян.

Когда Чжаоян ушла, Чу И застыла, но постепенно взяла себя в руки.

— Как там снаружи? — Чжаоян сушила травы, подбрасывая кусочки летающей вокруг Цуйхуа. Птица щебетала без умолку. — Как я и думала, — пробормотала Чжаоян. — Лань Цюэ сейчас в панике, раз перебил всех, кто его окружал. Столько времени дежурить у входа в Долину Безымянную и не уходить... Неплохо. Но этого недостаточно. Далеко недостаточно.

Цуйхуа клюнула её в щеку.

— Знаю, знаю, скоро выберусь, — Чжаоян направилась к аптеке. — Сейчас нельзя, Чу И ещё не вышла.

Она должна была следить за отваром, не отходя от печи. К тому времени, как лекарство будет готово, Чу И закончит ванну.

— Ну как ты? — Чжаоян принесла чашу, когда Чу И вышла из воды.

— Очень хорошо, — призналась та.

— Ещё несколько дней, и всё пройдёт, — Чжаоян протянула ей лекарство. Чу И выпила его залпом, а затем получила десерт. Раньше она не придавала этому значения, но теперь чувствовала неловкость.

— Если нравится, завтра сделаю что-то новое, — Чжаоян, казалось, не замечала её смущения.
— Пойду готовить ужин.

Чу И смотрела ей вслед, сжимая в руке пирожное, и долго молчала.

Время шло. Раны заживали, шрамы бледнели, и Чжаоян перестала обращать внимание на её грудь, чему Чу И была несказанно рада. Но по мере того как след становился незаметнее, родимое пятно проступало всё яснее. Однажды, когда Чжаоян случайно порезалась при готовке, Чу И, не зная почему, коснулась её раны. Кровь смешалась, и в этот момент она почувствовала странное облегчение. Ребёнок, которого искала Чжаоян, жив.

Пришло время уходить. Эта спокойная жизнь казалась украденной, нереальной. Пора возвращаться в свой мир. За ужином она наконец решилась заговорить.

— Да, — задумчиво произнесла Чжаоян. — Твои раны почти зажили, наверняка у тебя есть дела.

— Я уйду завтра, — Чу И старалась говорить ровно, не поднимая глаз.

— Хорошо, — легко согласилась Чжаоян. — Я приготовлю лекарства в дорогу и завтра провожу тебя из долины.

Чжаоян предупреждала, что долина полна ловушек, и без знающего человека отсюда не выбраться.

— Если... если найдёшь её там, — Чжаоян посмотрела на неё горящим взглядом, — обязательно дай знать. Скажи ей... скажи, что я очень скучаю.

Чу И не могла смотреть ей в глаза. Если в этих глазах-глазури вместо улыбки поселится печаль, что она будет делать? Ей хотелось признаться, но она сдержалась. Она не имела права втягивать Чжаоян в свои беды.

— Хорошо, — наконец ответила она.

Этой ночью Чу И не спала. Она лежала на крыше, глядя на звёзды, и видела, что в комнате Чжаоян всю ночь горел свет. Глядя на силуэт подруги за окном, Чу И терзалась сомнениями: правильно ли она поступает?

Свет погас лишь под утро, а Чу И так и просидела на крыше всю ночь.

<http://bllate.org/book/22151/2307541>